

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-753-767
EDN: XIHRDJ

Научная статья / Research article

Идентичность и социально-политическое самоопределение народности эве в Гане и Того

Н.А. Медушевский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ lucky5659@yandex.ru

Аннотация. Вопрос политической идентичности эве является крайне актуальным, так как обе страны имеют пестрый этнический состав населения и автономия либо отделение крупной этнической группы способны дестабилизировать политическую ситуацию, подтолкнуть иные этнические группы к самоопределению и в целом поставить вопрос о правомерности постколониальных государственных границ, актуальный для большинства стран Западной Африки. В данной связи цель исследования заключается в анализе исторического процесса формирования политической самоидентификации эве после обретения странами независимости и констатации современного образа их идентичности с опорой на исследования самоидентификации. Современный образ идентичности эве в Гане и Того анализируется на основе социологического исследования Д. Зормело в 2020 г. и аналогичного исследования автора данной статьи в 2024 г. Работа строится на базе конструктивистского подхода с применением ретроспективного и историко-системного методов. В статье констатируется, что проблема формирования этнической идентичности связана с тем, что эве, несмотря на наличие общего языка и культурной традиции, всегда были разрознены и до сих пор характеризуются кланово-племенной структурой самоуправления, которая существует параллельно с государственной вертикалью власти. В то же время обретение Ганой и Того независимости в 1950-е гг. вовлекло эве в конкурентную борьбу с другими этническими сообществами, претендовавшими на государственную власть и ресурсы. В 1970-е гг. противостояние находилось в острой фазе, но в последние десятилетия перешло в латентную фазу. Как показал проведенный в двух странах социологический опрос, эве безусловно признают наличие у них общей культурной и языковой идентичности, но общности политических целей сегодня не существует, хотя этническая идентичность выступает эффективным инструментом политической спекуляции на теме региональной стабильности.

© Медушевский Н.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: эве, Гана, Того, Толомо, политическая идентичность, этничность, сепаратизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Медушевский Н.А.* Идентичность и социально-политическое самоопределение народности эве в Гане и Того // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №4. С. 753–767. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-753-767>

Identity and Socio-Political Self-Determination of the Ewe People in Ghana and Togo

Nikolay A. Medushevskii

Russian State University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ lucky5659@yandex.ru

Abstract. The issue of Ewes political identity is extremely relevant for the countries of their residence, since both countries have a diverse ethnic composition of the population and autonomy, or the separation of a large ethnic group can destabilize the political situation, push other ethnic groups to self-determination, and, in general, raise the question of the legitimacy of postcolonial state borders, which is relevant for most countries of West Africa. In this regard, the purpose of the study is to analyze the process of Ewe political self-identification formation after the countries gained independence and to state the modern image of identity based on self-identification studies. The modern image of identity of the Ewe in Ghana and Togo is analyzed based on a sociological study by D. Zormelo in 2020 and a similar study by the author of this article in 2024. The study is based on a constructivist approach using retrospective and historical-systemic methods. In the context of the study, the author states that the problem of the Ewe ethnic identity formation has historical roots, since the Ewe, despite having a common language and cultural tradition, have always been disunited and are still characterized by a clan-tribal structure of self-government, which exists in parallel with the state vertical of power. At the same time, the independence of Ghana and Togo in the 1950s involved the Ewe in a competitive struggle with other ethnic communities claiming state power and resources. In the 1970s, the confrontation was in an acute phase, but in recent decades it has passed into a latent phase. As showed a sociological survey conducted in the two countries, the Ewe certainly recognize the presence of their cultural and linguistic identity, but there is no commonality of political goals today, although ethnic identity is an effective tool for political speculation on the topic of regional stability.

Keywords: Ewe, Ghana, Togo, Tolimo, political identity, ethnicity, separatism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Medushevskii, N.A. (2024). Identity and socio-political self-determination of the Ewe people in Ghana and Togo. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 753–767. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-753-767>

Введение

Этническая группа эве исторически проживает на Юго-Востоке Ганы, (20 % населения), и в Того (40 % населения). Обретение двумя странами независимости в конце 1950-х гг. поставило вопрос о политической самоидентификации эве в контексте политической конкуренции с другими этническими группами, например группой ашанти в Гане и группой кабье в Того. При этом проблема политической конкуренции эве с другими этническими группами в обеих странах осложнялась внутренней разобщенностью эве, которые исторически так и не создали своего государства, по аналогии с Империей Ашанти, а колониализм и вовсе разделил их границами Французского Того и британских мандатов Тоголенд и Голд-Кост. В данной связи процесс формирования политической идентичности эве в колониях наложился на общее формирование единой этнической идентичности, основой которой стал язык эве, в письменном виде созданный немецкими миссионерами только в начале XX века [Lawrance 2000], и легенда о происхождении народа, также популяризированная германской колониальной администрацией в 1900-е гг. [Акуеампронг 2001]. Религия также не стала объединяющим фактором, так как северные районы проживания эве характеризовались распространением различных культов традиционной религии водун, в то время как южные в 1850-х гг. интенсивно христианизировались многочисленными протестантскими церквями и сектами¹.

Этногенез эве после 1960 г. был связан преимущественно с политической борьбой и участием в электоральном процессе с целью обеспечить свое доминирование на региональном и по возможности на общенациональном уровне, причем подходы к политическому участию эве в Того и в Гане различались, что было связано с форматом созданных там политических систем и с количеством представителей этнической группы в общем национальном электорате. Не являясь доминирующей этнической группой и редко идя на компромисс, эве десятилетиями находились в подавленном положении, не имея возможности к эффективному политическому участию за пределами своих провинций и подвергаясь дискриминации. В 1970-е годы эта ситуация привела к формированию движения за независимость Тоголенда — Толомо, который должен был включить территории исторического проживания эве в Гане и в Того. Несмотря на наличие сепаратистских настроений среди эве, Толомо не добились видимых результатов, а многие его участники были арестованы за государственную измену. Современные социологические исследования политической идентичности эве демонстрируют, что данная этническая группа и сегодня остается децентрализованной и не сформировала единой политической культуры, даже на уровне отдельных стран, а ее общность осознается лишь на культурном и языковом уровне, в то время как на политическом

---

¹ Osei E. A Strategy for Church Planting Among the Ewe-Speaking People of the Volta Region, Ghana. (1997). Professional Dissertations DMin. 344 p. URL: <https://digitalcommons.andrews.edu/dmin/344/> (accessed: 15.09.2024)

уровне разобщенность сообществ продолжает расти, что ведет к снижению потенциала возможной интеграции на национальном уровне и делает невозможной трансграничную интеграцию.

Методология исследования

В основе проведенного исследования современной политической идентичности эве лежит конструктивистский подход, предполагающий, что идентичность — это результат многовекторного конструирования образа собственного Я отдельного члена группы, обобщенный до общегрупповой самоидентификации на основе сходства индивидуальных представлений об истории и культуре группы, ее происхождении, организации, моральных и этических установках и т.п. Конструктивистский подход трактуется нами в ключе многоаспектного определения этничности В.А. Тишкова, на базе которого данный автор выводит определение термина «народ». Последний, в «смысле этнической общности, понимается (как) группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности» [Тишков 2003, 58].

Конструктивистский подход в интерпретации В.А. Тишкова выбран нами в качестве базового для данной статьи в силу доминирующего в нем акцента на «социальном опыте», который имеет индивидуальное и коллективное измерения. Данный тезис принципиален, так как, обращаясь к изучению этнической группы эве, мы констатируем, что данная группа: а) существует в контексте времени и пространства, б) обладает собственной культурной, языковой, мифологической идентичностью, но в то же время в) имеет разрозненный социальный опыт, никогда не характеризовалась политическим единством и общей политической идентичностью. Таким образом, процесс конструирования идентичности эве объективно существует и продолжается, что порождает исследовательский вопрос о том, на каком этапе данный процесс находится сегодня и каково его состояние: развитие или стагнация?

В числе методов, призванных дать ответ на данный вопрос, следует выделить ретроспективный метод, позволяющий изучить данные формирования политической идентичности в ретроспективе; историко-системный метод, позволяющий проследить параллельные процессы формирования идентичности эве в Гане и в Того; статистический метод, позволяющий идентифицировать современное восприятие народом эве собственной идентичности. Статистический метод реализуется автором применительно к обработке результатов исследования Д. Зормело 2020 г.², которые были верифицированы собственным исследованием автора статьи в 2024 г. (100 респондентов из этнической группы эве проживающих в Гане).

---

² Zormelo D. Ethnicity and national cohesion. 09.10.2020. URL: <https://thebftonline.com/2020/10/09/ethnicity-and-national-cohesion/> (accessed: 15.09.2024)

Эве в Того

Примерно в 1945 г. различные активисты эве инициировали создание политических организаций, целью которых стала деколонизация французского Того. В их числе доминировали Комитет объединения тоголезцев, возглавляемый Сильванусом Олимпио, и Движение молодых тоголезцев. Обе организации имели также политические программы, которые предполагали воссоединение отдельных британских и французских Тоголендов [Amenumey 1975].

Французская администрация пыталась подавить движения, арестовывая или ограничивая его руководство, ограничивая юридический статус объединения и разжигая соперничество с другими политическими партиями Того [Amenumey 1975]. Несмотря на противодействие, партии эве лишь набирали популярность и в конечном итоге добились независимости Того в 1956 г., а С. Олимпио стал первым президентом [Amenumey 1975].

Первоначальные панафриканские лозунги Олимпио, необходимые для деколонизации, быстро уступили место авторитаризму и этнизму. Благодаря большей грамотности и монополии на продажу какао, хлопка и кофе эве фактически сформировали политическую элиту Того, что позволило им диктовать национальную политику, не учитывающую интересов других этнических групп, в том числе кабье и котоколи, составлявших более 80 % вооруженных сил.

Такое этнически несбалансированное распределение политического, экономического и военного капитала подготовило почву для военного переворота 1963 г., в результате которого президент Олимпио был убит. Второй переворот в 1967 г. окончательно положил конец политическому господству эве, и президентом, а затем диктатором стал урожденный кабье полковник Эяадема Гнассингбе [Эяадема 1990].

Гнассингбе в начальный период был озабочен вопросом концентрации власти и подавления этнического сепаратизма, поэтому идея создания большого Тоголенда за счет присоединения части территории Ганы, которую продвигал Олимпио, не продвигалась и не поддерживалась государством [Brown 1980] а национализм эве подавлялся. Однако постепенно, под влиянием настроений эве, проживающих на юге Того, идея вновь оказалась включена в политическую повестку и Гнассингбе публично подтвердил претензии на ряд территорий Северо-Востока и Востока Ганы [Brown 1980]. Тем не менее данное заявление было скорее популистским. В реальности же правительство Того сотрудничало с Ганой в вопросе подавления локального трансграничного сепаратизма среди эве и зависело от поставок энергии из этой страны [Brown 1980].

Реальная же политика Гнассингбе перераспределила экономические потоки в пользу северян, лишив эве экономической базы, необходимой в том числе и для интенсивной борьбы за власть, а в конце 1970-х гг., президент запустил программу «аутентичности», которая актуализировала этническую идентичность и еще больше усугубила разделение Севера и Юга. В итоге эве лишились власти и ресурсов, но дискриминация только способствовала росту этнизма, и в 1991–1992 гг. в Того произошла революция, которая привела к тому, что

Гнассингбе ненадолго лишился президентского поста и тысячи его сторонников бежали на север и за границу, спасаясь от погромов.

Гнассингбе вскоре восстановил свой контроль в результате жестокого контрпереворота при поддержке французов, устроив репрессии эве. После смерти Эйдаемы Гнассингбе в 2005 г. ситуация не изменилась и к власти пришел его сын Фора Эссозимна Гнассингбе. Политическое насилие продолжало сотрясать Того на протяжении 2010-х гг., а новые попытки свергнуть клан Эйдаема в 2017–2018 гг. вылились в дальнейшие политические потрясения во время эпидемии COVID-19³.

В итоге современные события свидетельствуют о сохраняющемся этническом и социально-экономическом расколе в тоголезском обществе и неформальной дискриминации эве, однако годы притеснений и дискриминации со стороны государства привели к сплочению группы и уменьшению значения территориальной привязки, что стало фактором мобилизации в условиях кризисного развития. Идея воссоединения с эве из Ганы сохранилась, но отступила на второй план, сделав первичной потребность в реабилитации статуса эве в государстве Того. Более того, эве Того консолидировались и начали активно взаимодействовать в интернет-пространстве и социальных сетях, которые государство не может эффективно контролировать. Это стало ответом на многолетний запрет на создание этнических организаций и этногрупповое участие в политике. Подтверждения таких настроений среди эве в Того были обнаружены автором статьи в беседах с сотрудниками Университета Того (этническими эве) в августе 2024 г., которые однозначно охарактеризовали режим власти как авторитарный, коррумпированный, репрессивный и препятствующий реализации политических и социальных прав эве.

Эве в Гане

Как и в Того, политические организации, такие как Конференция всех эве, в 1950-е гг. преследовали цель объединения всех эве в британских колониях [Amenumey 1975], и, как и в Того, колониальные власти видели в этих организациях угрозу и стремились их подавить [Amenumey 1975].

В 1956 г. британцы провели референдум в мандате (Британский) Тоголенд, в результате которого он был объединен с колонией Голд-Кост. Это вызвало противодействие со стороны многих эве при новой администрации, поскольку в британском Тоголенде доминировало желание объединиться с этнически близким Французским Того, а колония Голд-Кост ассоциировалась с этнической группой Анло (тоже эве), с которой у Вольтийских эве было ранее множество конфликтов и территориальных споров, включая кровопролитные войны с Ашанти, где Анло были на стороне захватчиков. В итоге противники

³ Kothor M., Lawrance B.N. The History of Togo and the Togolese Peoplefree. 22.03.2023. URL: <https://oxfordre.com/africanhistory/display/10.1093/acrefore/9780190277734.001.0001/acrefore-9780190277734-e-714?p=e-mail:A6btjPdLkarCc&d=/10.1093/acrefore/9780190277734.001.0001/acrefore-9780190277734-e-714> (accessed: 14.09.2024).

объединения создали Конгресс Тоголенда, в котором ведущую роль стал играть доктор Рафаэль Арматтоу [Marr 1972].

Основанием для обретения независимости Ганы в условиях развивающихся межэтнических конфликтов стала компромиссная стратегия будущего президента Кваме Нкрума, заявлявшего об общности интересов народов Ганы. Помимо этого, Нкрума был выходцем из небольшой этнической группы акан [Brown 1982] и его лидерство не означало этнического перевеса ни для эве ни для ашанти.

По итогам политической борьбы в 1957 г. колония Голден Кост, уже включившая (Британский) Тоголенд, стала независимой Ганой, а Кваме Нкрума стал ее первым премьер-министром [Мазов 2010], а затем, в 1960 г., президентом.

В обмен на лояльность Нкрума номинально поддержал движение эве за объединение с территориями Того, хотя в реальности президент не был заинтересован в создании самостоятельного государства эве, так как это ослабило бы Гану [Brown 1980]. Но и номинальная поддержка идеи породила политическое напряжение в отношениях с Того, где Сильванус Олимпио занял встречную позицию и выступил за присоединение территорий Ганы к Того, что привело к ухудшению отношений и ужесточению приграничного контроля, который стал препятствием для взаимодействия эве по обе стороны границы [Brown 1980].

Смягчение конфронтации произошло с приходом к власти в Того Гнассингбе Эйадемы, но и он возвратился к вопросу о территориальных претензиях в середине 1970 гг., спекулируя данной темой [Brown 1980].

В самой же Гане, уже в 1957 г., Нкрума принял закон, запрещающий любые политические партии и союзы, основанные на племенной, расовой и религиозной идентичности. Оказавшись вне закона, все существующие этнические оппозиционные партии, в том числе представляющие эве, объединились в United Party (UP) под руководством Кофи Абрефа Бусиа, но блок просуществовал недолго и был саботирован ашанти и эве, в 1966 г. реализовавшими переворот под руководством майора Африфы (ашанти) и полковника Котоки (эве). В 1967 г. Котока инициирует новый переворот, в ходе которого гибнет, и власть переходит к Совету национального освобождения (NLC) под руководством Африфы, следствием чего становится фактическое изгнание эве и их лидера — К.А. Гбедема из политики [Hutchful 1997]. Премьер-министр Бусиа (ашанти) подверг тотальной чистке от эве генералитет и чиновничество, а также провел массовые депортации некоренного населения, выслав около 2,5 млн этнических эве.

Ситуация сохранялась до смены власти в 1972 г. в результате очередного переворота, когда к власти пришел этнический ашанти, подполковник Игнатиус Ачампонг. Он стремился уйти от этнической политики и сделать политическое пространство этнически нейтральным [Rothchild 1998]. Была опубликована так называемая «Хартия искупления» и предложена концепция беспартийного союзного правительства (Unigov), разделяющая военную и гражданскую власть. Данные решения были представлены как альтернатива авторитаризму [Chazan 1983], но они не смогли повлиять на настроения эве, для которых стал характерен выраженный ирредентизм [Duodu 1974], и соперничество между эве

и ашанти только росло [Chazan 1983], что выразилось в голосовании на выборах исключительно за «своих» кандидатов.

Данная практика голосования сохраняется и сегодня, хотя конкуренция стала гораздо спокойнее после прихода к власти президента Д. Роулингса (глава государства в 1979 и 1981–2001 гг.), который был наполовину эве. Также антагонизм ашанти — эве не является абсолютным, так как обе этнические группы составляют не более 45 % населения страны и вынуждены формировать коалиции. Так, например, современные типичные партийные списки включают президента Эве и вице-президента Акан (часто Ашанти), и наоборот, чтобы привлечь избирателей из разных этнических групп.

Движение Толимо

В 1976 г. в бывшей британской провинции Ганы — Тоголенд, под руководством эве, сформировалось движение, стремившееся к отделению и воссоединению с Того под названием Национально-освободительное движение Западного Тоголенда, или Движение Толимо. Хотя его сепаратистские настроения первоначально развились из-за плебисцита 1956 г., эта итерация была вызвана жестоким приграничным сообщением с Того, а также в целом плохими условиями, которые были распространены среди эве в Гане в то время [Brown 1980].

Движение получило номинальную поддержку от Гнассингбе Эйадемы, которая стимулировала укрепление идеи интеграции эве и подтолкнула их к активным действиям. После попытки государственного переворота 1975 г., в котором были замешаны эве как его предполагаемые основные покровители, правительство Ганы расправилось с Толимо с помощью плана «Operation Counterpoint», направленного на ограничение трансграничных поездок эве, и в конечном итоге организация была официально объявлена вне закона в 1976 г. [Brown 1980]. Движение подавлялось и президентом Д. Роулингсом (несмотря на его происхождение из эве [Chazan 1983]), боровшимся с влиянием Гнассингбе, заинтересованного в его свержении [Пильников 1996]⁴.

Сегодня Толимо представлено Фондом Группы изучения Родины (HSGF), который также призывает к отделению региона Вольта от Ганы. Группа утверждает, что регион Вольта (Западный Тоголенд) был независимым государством до того, как его вынудили присоединиться к Гане в результате плебисцита. Широко о существовании и деятельности группы стало известно в 2017 г., когда лидер группы, Чарльз Корми Кудзодзи, известный как папа Хогбедетор, был арестован вместе с семьей другими членами на одном из регулярных учебных собраний группы⁵.

⁴ “We have no militia — Western Togoland independence ‘fighters’” // Citi Newsroom. 05.07.2019. URL: <https://citinewsroom.com/2019/05/we-have-no-militia-western-togoland-independence-fighters/> (accessed: 14.09.2024).

⁵ Nyaborby J. Eight arrested for trying to declare Volta Region an independent state // Reading Time. 06.05.2019. URL: <https://citinewsroom.com/2019/05/eight-arrested-for-trying-to-declare-volta-region-an-independent-state/> (accessed: 14.09.2024).

По данным полиции, группа обучала молодых людей, чтобы сформировать ядро милиции и вооруженных сил предполагаемой новой страны, но представитель движения Эммануэль Агбавор в интервью прессе опроверг заявление полиции⁶. Другой лидер — Умару Санде — заявил, что группа пользуется поддержкой 15 миллионов человек в Вольте, Оти, Северном и Северо-Восточном регионах, а также в других регионах севера⁷.

Тем не менее вопрос о серьезности организации остается открытым. С одной стороны, полиция в 2017 г. арестовала руководство фонда, но позже они были освобождены с предупреждением, т.е. серьезность их намерений не была очевидна, либо государство не решилось провоцировать население региона на протесты. На наш взгляд, более вероятно второе, так как уже в 2019 г. снова были арестованы восемь лидеров группировки, и в заявлении полиции говорится, что группа планировала провозгласить независимость Тоголенда в четверг, 9 мая 2019 года⁸. После 2019 г. информации о деятельности Фонда в СМИ Ганы не появлялось.

Кроме того, вызывает вопросы и заявленное число последователей в 15 млн человек, так как общее число представителей эве в Гане не превышает 4 млн.

Вопрос итоговой современной идентичности эве

Ситуация с Толимо отчетливо показала, что проблема этнической идентичности эве, особенно на территории северо-востока Ганы, стоит остро и пока никак не решена на государственном уровне. При этом эве постепенно все сильнее осознают свою общность и свои коллективные интересы, по крайней мере на уровне региональной политической элиты, которая вступает в конфликт с государством по вопросам распределения доходов. Само же население региона менее активно, и его сплочению скорее способствует совокупность социальных проблем, в числе которых проблема перехода через границу с Того, ограничения в экономической деятельности, неэффективность социальных лифтов, бедность, безработица и т.п., а также дискриминация и сегрегация в иноэтничных районах страны и в столице — Аккре. Все эти факторы поддерживают этническую напряженность и заставляют искать способы обособления, которые в большинстве случаев нелегальны.

Причины же современной этнической интеграции эве следует искать в прошлом региона, когда политика колониальных правительств заставила эве принимать решения о своей политико-географической принадлежности, и многие из этих решений оказались навязаны сверху и не учли территориальных интересов, в частности плебисцит 1956 г., который проигнорировал желание округов

---

⁶ “We have no militia — Western Togoland independence ‘fighters’” // Citi Newsroom. 05.07.2019. URL: <https://citinewsroom.com/2019/05/we-have-no-militia-western-togoland-independence-fighters/> (accessed: 14.09.2024).

⁷ Ibid..

⁸ Ibid.

Хо и Кпанду остаться отдельными с перспективой объединения с французским Тоголендом⁹.

При этом показательно, и об этом пишет доктор Дуглас Зормело, Западный Тоголенд никогда не существовал как единое целое. Обособление региона по желанию местных жителей — это атавистический шаг, основанный на идее, которой никогда не существовало в реальности, так как никогда не существовало единого народа эве и общего государства¹⁰. Фактически идея обособления спекулятивна и продвигается старейшинами и вождями, до сих пор сохраняющими локальную власть (данный тезис был подтвержден автором в ходе полевых исследований в Гане — август 2024 г.). В то же время современная политическая организация Ганы не предполагает взаимодействия государства с вождями, а предусматривает представительство народа в парламенте через депутатов, но последние не занимают в общественном сознании положения, аналогичного положению старейшин и вождей, так как они ангажированы не обществом, а партией, от которой избираются, а партия не является этнической. (Данный тезис был подтвержден автором в ходе полевых исследований в Гане — август 2024 г.).

Тем не менее любой депутат должен избираться электоратом и обладать определенной группой поддержки, и в случае с депутатами-эве они ищут свою опору в населении Тоголенда, обращаясь к нему в своей риторике как к чему-то единому и часто выступая от его имени. В практике же представителей других этнических групп это обуславливает негативное восприятие этнической группы эве, которая представляется единой и сплоченной. Таким образом, возникает множественная идентичность, в соответствии с которой делегат от эве на национальном уровне позиционирует себя как представитель многомиллионной этнической группы, но в своем регионе — он, например, член сообщества анло, и для жителей Хо и Кпанду — он чужак, и от ашанти его отличает только то, что он говорит на языке эве.

Кроме того, наряду с этнической идентичностью развиваются и другие формы идентификации, например, социальный класс, религиозные группы, профсоюзы, партии и пр., которые имеют трансэтническую природу формирования, что повышает взаимодействие этносов и размывает этническую самоидентификацию.

Еще одна характеристика этнической группы заключается в том, что она продвигает общественные интересы в противовес индивидуальным интересам своих членов, т.е. обобщает, но обобщает в пользу интересов политической элиты сообщества, так как политическая культура в регионе преимущественно патриархально-подданническая. В результате чаяния этнической группы далеко не всегда продвигаются ее элитой, а патриархальная культура сообществ не допускает протестов против власти местного вождя.

---

⁹ Zormelo D. Ethnicity and national cohesion. 09.10.2020. URL: <https://thebftonline.com/2020/10/09/ethnicity-and-national-cohesion/> (accessed: 14.09.2024).

¹⁰ Ibid.

В данной связи в большинстве случаев политические элиты этнических групп в Гане и Того настроены на компромисс с властью и ищут политические дивиденды от сотрудничества в то время, как радикальная социальная повестка используется ими сугубо в спекулятивных целях, как инструмент шантажа, если правительство страны дискриминирует их в распределении финансирования¹¹. Фактически правительство страны должно «покупать» у этнических элит лояльность, необходимую для сохранения легитимности, либо принуждать к ней, как это произошло в вопросе границы Ганы и Того.

В данной связи огромный интерес представляет статистическое исследование, проведенное доктором Зормело и его коллегами в Гане и в Того, с целью выявить доминирующую у них идентичность и ответить на вопрос о правомерности предположения о том, что эве действительно хотят создать этническое государство на территориях Ганы и Того.

Первый актуальный для нас вопрос исследования был адресован эве в Гане и Того и звучал следующим образом: «С кем вы идентифицируете себя больше, с „заграничными“ эве или с представителями других племен в своей стране?». На него 99 из 100 человек в возрастной группе от 40 до 65 лет ответили, что они идентифицируют себя с «заграничными» эве больше, чем с представителями других племен в Гане.

Однако, когда данный вопрос был адресован молодому поколению в возрасте от 15 до 39 лет, ответ варьировался в зависимости от уровня образования, расстояния, на котором они жили от границы, знания языка эве и места обучения в школе. В исследовании, проведенном нами в Гане в 2024 г. было установлено, что 72 % ганцев в возрасте до 40 лет считают эве единой этнической группы вне зависимости от принадлежности к племени и государству.

Д. Зормело было установлено, что чем дальше респондент жил от границы, чем выше уровень образования, если он обучался за пределами Тоголенда, если считал свои перспективы работы хорошими и им ничего не угрожало и если он не говорил на языке эве, то уровень идентификации с теми, кто находится по ту сторону границы, был минимальным или вообще отсутствовал. В нашем исследовании таковых 28 %.

Была также установлена и обратная закономерность. Те респонденты, которые жили ближе к границе или имели родственников в соседней стране, были менее образованны, не могли говорить на языках других племен и мало общались с ними, а также владели языком эве, почти всегда отождествляли себя со своими соплеменниками по другую сторону границы. В данном случае речь шла о культурной идентификации.

Следующий вопрос был связан с тем, почему респонденты идентифицируют себя друг с другом больше, чем с представителями других этнических групп из своих стран. Группа респондентов в возрасте от 40 до 65 лет, в своем

---

¹¹ Zormelo D. Ethnicity and national cohesion. 09.10.2020. URL: <https://thebftonline.com/2020/10/09/ethnicity-and-national-cohesion/> (accessed: 14.09.2024).

подавляющем большинстве, заявила, что причина в общей культуре, языке, религиозных обрядах и наличии родственников по другую сторону границы (это же подтвердило и проведенное нами исследование среди граждан Ганы (эве) до 40 лет). Язык был определяющим фактором единства для тех респондентов, которые не владели английским или французским.

Третий вопрос был связан с желанием достичь политического единства в рамках Ганы, Того или в качестве самостоятельного государства. Практически все респонденты заявили, что не хотели бы такого объединения так как оно «не дает преимуществ и порождает проблемы, например незнание будущего государственного языка — английского или французского соответственно. В таких условиях фактор общего языка не дал бы никаких существенных преимуществ, за исключением социального общения»¹². Более того, ганские и тоголезские эве отмечали, что готовы были бы сражаться друг с другом в случае войны стран, так как к врагу из соседней страны относились бы коллективно, а не как к возможному члену собственного племени. В итоге уже в проведенном нами исследовании за создание государства эве выступило 36 %, а 82 % заявили о полумере — режиме свободного пересечения границы.

Также причиной, препятствующей объединению, было названо внутриэтническое соперничество. Респондентами было указано, что эве не составляли однородной группы, кроме как на расстоянии. Кроме того, ганские эве в целом чувствовали превосходство над своими соплеменниками в Того, в то время как тоголезские эве считали ганских эве «негодьями» (причина не уточняется)¹³. Обе этнические подгруппы заявили, что слишком долго прожили в своих отдельных странах и поэтому политически отождествляли себя с государством и другими группами внутри него.

Безусловно важным является и поколенческий фактор, так как вопрос об объединении и независимости возник на повестке и даже поднимался в ООН в начале 1960-х гг. и тогда был актуален, так как не существовало государств с длительной историей. Но уже через 10 лет независимости возникла и набрала силу система государственной подчиненности и вопрос об обособлении утратил свою правомерность, а затем и актуальность. После этого родилось уже несколько поколений эве, которые данным вопросом по разным причинам практически не задавались, и как следствие, не сформировались как носители такой идеи.

В итоге исследователи во главе с Зормело пришли к выводу, что политическая лояльность была скорее у государства, чем у этнической группы, а значит, перспектив для формирования политической идентичности эве на трансграничном уровне нет, как нет и перспективы сплочения эве на национальном уровне по принципу единства языка, истории, культуры и т.д.: каждое

¹² Zormelo D. Ethnicity and national cohesion. 09.10.2020. URL: <https://thebftonline.com/2020/10/09/ethnicity-and-national-cohesion/> (accessed: 14.09.2024).

¹³ Ibid.

сообщество эве продолжает преследовать собственную выгоду даже в ущерб другим сообществам эве, проживающим в той же стране.

Данные выводы были подтверждены нами в ходе собственного опроса, проведенного среди эве, проживающих в провинции Анло (Гана).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что сегодня этническая группа эве, проживающая в Гане и Того, продолжает оставаться разобщенной. Разобщенность имеет исторические корни — эве никогда не имели единого государства, а в колониальный период были разделены границами мандатов. Об общности группы позволяют говорить единство языка (хотя и имеющего диалекты) и общность мифа о происхождении народа. В то же время и письменный язык, и миф о происхождении стали объединяющими факторами только в начале XX в. под влиянием германской колониальной политики. Таким образом, единство группы во многом остается номинальным, а централизации вокруг идеи национальной идентичности активно противостоят локальные формы социально-политической организации, которые воспроизводят традиционную кланово-племенную структуру. В связи с этим современные эве больше ассоциируют себя с государствами, в которых проживают, чему способствует ограниченность трансграничного перемещения и разница официальных государственных языков — английского и французского соответственно.

Тем не менее, несмотря на постепенное отдаление сообществ эве в Гане и в Того друг от друга и внутреннюю разобщенность внутри сообществ, однозначно говорить о нивелировании этнического фактора нельзя. Начиная с обретения Ганой и Того независимости в конце 1950-х гг. этническая идентичность стала основой политического манипулирования в полиэтничных государственных системах. Так, в Гане эве активно противопоставляют свои интересы группе акан, в которой приоритетная политическая роль принадлежит народу ашанти. В Того эве конкурируют с этническим сообществом кабье, также контролирующим политическую систему. Именно этническая идентичность становится основанием для политического торга и причиной, по которой эве могут оставаться значимой величиной в политическом пространстве. Данный баланс не является стабильным и неоднократно нарушался политическими противниками эве, выводя их в оппозицию. Самым радикальным примером подобной реакции стало возникновение в Гане организации Толимо, выступавшей за создание независимого государства Эваленд. Толимо всегда рассматривалась правительством Ганы как маргинальная, а ее лидеры репрессировались. Однако идея создания Эваленда сохранилась и сегодня также имеет своих немногочисленных приверженцев.

Существующая в целом у эве политическая лояльность к государству, тем не менее, не должна рассматриваться как абсолютная и есть очевидные точки, способные породить кризис. Одной из них является граница между Ганой и Того, которая должна оставаться проницаемой для эве по обе ее стороны.

Второй катализатор — это политическое участие эве в государственном управлении. Дискриминация этнической группы неизбежно приведет к ее сплочению вокруг идей обособления и независимости, как это уже произошло в Гане в 1970-е гг. В качестве третьего «риска» можно предположить общее ухудшение жизни членов этнической группы, которое неизбежно приведет к противопоставлению себя неэффективной политической системе и лидерам, не являющимся этническими эве.

Тем не менее на сегодняшний день, как показал опрос Д. Зормело и наш собственный опрос, данные риски можно охарактеризовать как «спящие», а общие тенденции, наоборот, указывают на постепенную интеграцию в государственные политические и экономические системы.

Поступила в редакцию / Received: 29.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.09.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список / References

- Мазов С.В. «Царство» Кваме Нкрумы / Российская академия наук, Институт востоковедения, Институт Африки «Восток: Афро-азиатские общества». Москва : Наука, 2010. № 1. С. 62–70.
- Mazov, S.V. (2010). «Tsarstvo» of Kwame Nkruma. *Vostok (Oriens)*, 1, 62–70. (In Russian).
- Пильников Б. Президент Ганы Джерри Ролингс // Азия и Африка сегодня. 1996. No. 11. С. 22–24.
- Pilnikov, B. (1996). President of Ghana Jerry Rolings. *Asia and Africa Today*, 11, 22–24. (In Russian).
- Тшиков В.А. Реквием по этносу. Москва : Наука, 2003.
- Эйадема Гнассингбе. Кто есть кто в мировой политике / под ред. Л.П. Кравченко и др. Москва : Политиздат, 1990.
- Gnassingbé, Eyadema. (1990). *Who is who in world politics*. L.P. Kravchenko (Ed.). Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Amenumey, D.E.K. (1975). The general elections in the ‘Autonomous Republic of Togo’, April 1958: Background and interpretation. *Transactions of the Historical Society of Ghana*. 16(1) 48, 431–460.
- Akyeampong, E.K. (2001). *Between the sea & the lagoon: An eco-social history of the Anlo of southeastern Ghana since 1850 to Recent Times*. Oxford: James Currey — Athens/oh: Ohio University Press.
- Brown, D. (1980). Borderline politics in Ghana: The National Liberation Movement of Western Togoland. *The Journal of Modern African Studies*, 18(4), 609.
- Brown, D. (1982). Who are the tribalists? Social pluralism and political ideology in Ghana. *African Affairs*, 81(50), 37–69.
- Chazan, N. (1983). *An anatomy of Ghanaian politics. Managing political recession, 1969–1982*. Boulder, Colo.
- Chazan, N. (1982). Ethnicity and politics in Ghana. *Political Science Quarterly*, 97(3), 474–484.
- Duodu, C. (1974). Succession in Ghana. *Africa*, 34, 14–15.
- Hutchful, E. (1997). Reconstructing civil military relations and the collapse of democracy in Ghana 1979–81. *African Affairs*, 96, 535–550.

- Lawrance, B.N. (2000). Most obedient servants: The politics of language in German colonial Togo. *Cahiers d'Études Africaines*, 40(159), 490–514.
- McLaughlin, J.L., & Owusu-Ansah, D. (1995). Introduction (and sub-chapter). In L. Berry (Ed.), *A country study: Ghana* (pp. 1–53). 3rd ed. Washington DC: Library of Congress Federal Research Division.
- Mapp, R.E. (1972). Cross-national dimensions of ethnocentrism. *Canadian Journal of African Studies*, 6(1), 73-96.
- Rothchild, D., & Gyimah-Boadi, E. (1998). Populism in Ghana and Burkina Faso. *Current History*, 88, 221–241.
- Tishkov, V.A. (2003). Requiem for Ethnos. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Сведения об авторе:

Медушевский Николай Андреевич — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук, Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)

About the author:

Nikolay A. Medushevskii — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Modern East and Africa of the Faculty of Oriental Studies and Social and Communicative Sciences, Russian State University for the Humanities, Associate Professor, RUDN University (e-mail: lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)